

РЕЦЕНЗИИ

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ И «КОНСТРУКЦИЯ» ЧЕЛОВЕКА В НАУЧНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ О ТЕЛЕ

Нудельман Р. *Неизвестное наше тело. О полезных паразитах, оригами из ДНК и суете вокруг гомеопатии...* М.: Ломоносовъ, 2014. — 240 с.

Найт Р. *Смотри, что у тебя внутри. Как микробы, живущие в нашем теле, определяют наше здоровье и нашу личность* / Пер. с англ. Е. Валкина. М.: Изд-во АСТ: CORPUS, 2015. — 160 с.

Мы живем в удивительное время, не устающее поражать все новыми открытиями относительно того, как мы «функционируем» в качестве одновременно и социальных, и биологических существ. Второе обстоятельство представляется более интересным, чем первое, потому что с момента зарождения социологии «биологическая (или органическая) метафора» использовалась, чтобы на простых и понятных примерах показать, как возможно общество: мы видим вокруг себя лишь массу разных людей, а потому факт существования социальных общностей — невидимых научно невооруженному глазу — требует убедительных объяснений.

В последние годы «оптика» научного взгляда на человека стала размываться: весьма неожиданно он оказался в центре книжного бума, на разных примерах и весьма убедительно демонстрирующего, сколь сильно его социальные качества, с трудом поддающиеся социологической фиксации и однозначному объяснению, физиологически и биологически детерминированы.

Книга микробиолога Роба Найта научно-популярным языком описывает суть происходящей сегодня в микробиологии революции — благодаря новейшим технологиям ученым удалось сделать поразительные открытия в мире населяющих (и составляющих) наше тело микроскопических существ. Многие из этих открытий, по сути, снимают с человека тяжелый груз ответственности за ряд эмоций, реакций, вкусов и поступков просто потому, что не только наше физическое здоровье, но наше настроение и даже «саму нашу личность» определяют «микробы, в немыслимых количествах обитающие почти в каждом уголке нашего организма» (с. 4).

Книга Найта — одна из множества вышедших в последнее время научно-популярных работ, однако его текст стоит в этом ряду несколько особняком, несмотря на общую для подобных работ тональность (где-то юмористическую, где-то критическую, где-то снисходительно-констативную) и набор тематик (например, обсуждение проблемы вакцинации, о которой в России не было принято задумываться еще пару поколений назад, а сегодня это предмет бурных дискуссий, судебных разбирательств и пр.).

Как правило, столь «глубоко» (почти в буквальном смысле) авторы научно-популярных работ в человека не заглядывают, и дискурсивный формат объяснения механизмов функционирования человека носит обычно менее радикальный характер в плане биологизаторского объяснения социальных проблем (скажем, до сих пор депрессия считалась скорее результатом социальной депривации, чем инфекционным заболеванием). Яркий пример научно-популярных работ более «традиционного» типа — книга Рафаила Нудельмана «Неизвестное наше тело»: она также состоит из пяти глав и отличается критическими и юмористическими интонациями, но в целом затрагивает тематику не так «глубоко», как работа Роба Найта о микробиоме.

Книга Нудельмана олицетворяет некий условный стандарт прекрасной научно-популярной работы. Автор мастерски оперирует поэтическими и литературными цитатами и примерами, которые наряду с легкой юмористической тональностью текста и его открыто постулируемой просвещенческой задачей придают повествованию увлекательность почти приключенческого жанра. Если спрятать от читателя обложку и заставить его начать знакомство с книгой с авторского обращения, то он вполне может подумать, что речь пойдет не о паразитах и прочей «мелочи», а об особой субкультуре или группе (закрытой, а потому малоизвестной, или неприятной, а потому неинтересной): «Всю жизнь, пока мы живем, рядом с нами идет чья-то чужая, незнакомая жизнь. Кто-то рядом с нами кашляет, кто-то чихает, кто-то зевает, а кто-то даже и стонет». Впрочем, интрига на этих двух фразах заканчивается — в следующей автор поясняет, что «приглядишься, прислушаешься, — ба, да это ж мое тело!» (с. 7).

Помимо тональности и тематических акцентов уже на первых страницах книги автор обозначает две характерные для подобного типа работ особенности: во-первых, частые апелляции к социальным и антропологическим аналогиям, чтобы пояснить (микро)биологические процессы и явления, например, тело — «наша единственная в своем роде собственность» (с. 7), вирус гриппа и сиаловая кислота «исполняют в нашем теле полный изящества танец» (с. 8); затяжной спор между приверженцами разных трактовок синдрома хронической усталости «остряки называют „израильско-палестинским конфликтом современной медицины“, предсказывая ему такой же нескорый конец» (с. 93) и т.д. Во-вторых, очевидны сугубо практические задачи автора: он стремится не только превратить загадки нашего организма в понятные любому читателю вещи, проясняющие принципы и перспективы «ремонта» тела в случае разных заболеваний, но и развенчать мифологемы о том, что можно и не нужно делать со своим телом с помощью «якобы медицины», «которая дает миллионы противоречивых рецептов „правильной диеты“, раз-

водит лекарства в отношении „атом — на вселенную“ и объявляет аутизм результатом прививки» (с. 8).

Работа Нудельмана более тематически насыщена, чем книга Найта, но столь же логически последовательна. В первой главе Нудельман раскрывает «загадки» организма — почему мы икаем, когда мы чихаем, для чего мы зеваем, почему не пьем ночью (почему нам не хочется пить), что делает в нас железо, на кой нам цинк (так звучит название раздела), нужна ли нам боль и почему у нас разные пальцы. Попутно автор приводит забавные научные факты (например, длительные приступы икоты передаются по наследству и чаще встречаются у мужчин), четкие определения понятий, суммирует накопленные на сегодня сведения, подчеркивая, что многие отрывочны и неполны, и историко-антропологические данные, вводящие биологическую проблематику в социологический контекст. Так, в древние времена чихание связывалось с потусторонними силами и имело возвышенный характер, «пока не пришла наука и все не испортила... безжалостно низведя Великий Чих с его бывшего престола и дав ему весьма прозаичное объяснение» (с. 15); зевок ладошкой мы прикрываем потому, что древние люди считали его попыткой души покинуть тело и пытались ее не выпустить; «подобно сексу и голоду, на чувстве боли основаны все социальные отношения, и они же лежат в конечном счете в основе всякого подчинения, власти и государства-левиафана» (с. 55).

Вторая глава посвящена разгадке тайн болезней и проблем, «вносящих тяжелый разлад в нашу тончайше отлаженную биологическую машину» (с. 76), в качестве которых рассмотрены: простуда вульгарис; аспен-синдром, которому очень не повезло с названием по причине множества далеких от медицины ассоциаций; вирус гриппа и его помощники (молекулы), которые исполняют «изысканно-согласованные пируэты совершенно замечательного по изяществу и тонкости молекулярного танца» (с. 81); «синдром хронический усталости», на который «не жалуется разве что очень ленивый человек, хотя и он иногда, плетясь за модой, тоже жалуется» (с. 90), хотя «трудно всерьез относиться к болезни, о которой нет согласия даже в медицинских справочниках» (с. 91); ожирение (история о полезном паразите) — его причиной сегодня считается не столько неправильная диета и стресс, сколько хеликобактер пилори — «наша спиралевидная сожительница внутри желудочно-кишечного тракта» (с. 99); токсоплазмоз (история о паразите вредном); синдром дефицита внимания и гиперактивности; будущее мужской половой хромосомы, которое одни ученые описывают весьма пессимистически, а другие их за это яростно критикуют.

В третьей главе автор «проникает» в глубины человеческого организма, где обнаруживает гены, белки и истоки разных болезней. Здесь рассмотрен ряд актуальных сегодня вопросов, в частности, причины синдрома Дауна, «этой скверной генетической случайности», личные и социальные последствия которой автор оценивает по-медицински жестко, за что может быть подвергнут критике со стороны приверженцев социальной трактовки синдрома как особенности, но не болезни, требующей лечения. Согласно Нудельману, «для родителей это тяжелый крест... но многие матери отказываются от аборта, обрекая себя (и ребенка) на пожизненную трагедию, потому что лечить генетические заболевания медицина пока еще не умеет» (с. 123).

В третьей главе чаще, чем в остальных частях книги, встречаются слова «странный» и «странности», призванные обозначить сокрытые прежде или пока для науки причины ряда явлений. Например, загадка испорченного гемоглобина — сохранение потенциально смертельной мутации в коллективе людей (серповидноклеточной анемии определенного вида), потому что она дает своим носителям выживательное преимущество (защиту от малярийного плазмодия). Фактически речь идет о «благодеении убийцы» (так, ген, ответственный за смертельный наследственный недуг цистифиброз, спас европейцев от вымирания от холеры): «что хорошо, а что плохо для выживания, решают в конечном счете локальные условия [*эту фразу можно использовать в любой социологической работе*]... эволюция никогда не одаряет одним только добром — она всегда вынуждает нас принимать вместе с ним и неизбежное зло» (с. 149). В качестве примера автор приводит болезнь Альцгеймера — следствие возрастания длительности жизни: «если какой-то призрак и бродит по нашей состарившейся планете [пожилых людей], то это — призрак Альцгеймера» (с. 150).

Четвертая глава «Свет в конце туннеля» призвана внушить читателю оптимизм относительно грядущих возможностей науки в целом и медицины в частности в сфере лечения, восстановления и сохранения нашего тела. Автор характеризует и уже имеющиеся, и только намечающиеся решения ряда вопросов: 1) как доставить лекарство «до нужного органа или ткани, преодолев химические, физические и все прочие биологические преграды на пути», потому что иначе лечение превратится в «требование разрубить саблей пуховую подушку, попасть из пушки по воробьям или укусить самого себя за локоть» (с. 171); 2) каковы перспективы и свершения наномедицины, прежде всего наночастиц в диагностике заболеваний на максимально ранней стадии и доставке нужных химических веществ в поврежденные места организма.

К этому моменту читатель оказывается на завершающих страницах книги, где автор все чаще апеллирует к социальным проблемам, используя социальные аналогии и метафоры. Скажем, он полагает, что сегодня «нанотехнологии стали модой, на них возлагают большие, порой самые фантастические надежды, вплоть до быстрого превращения индустриально отсталых стран в передовые» (с. 177), хотя преимущественно надежды человечества связаны с медицинским применением микроскопических умных «машин», «наноботов», которые «будут проникать с кровью в любые закоулки тела и лечить там любые повреждения».

Частично нанобудущее уже наступило, что автор демонстрирует на примере магнитных наночастиц в коронарных стентах: «Будущее приходит по-разному. Иногда по-бетховенски властно грохоча кулаком, а порой — вот как лет двадцать назад, когда сначала в специальной литературе, а потом и в массовой печати начали появляться отрывочные сообщения о новом и необычном биологическом инструменте» (с. 183).

Отдельного упоминания в четвертой главе заслужили стволовые клетки и возможности создания искусственной крови («из кожи заказчика»). Автор предвкушает будущее, когда «в газетах будут мелькать объявления типа: „Быстро и дешево! Производство крови из кожи заказчика!“» (с. 200). Выглядит лозунг мрачно, но,

но в то же время оптимистично — с точки зрения подразумеваемого подобной доступностью крови решения важнейших для человечества медицинских проблем.

Книги Нудельмана и Найта сближает как увлечение социальной метафорикой, так и то, что научно-публицистический характер обеих работ определяет не только стиль изложения (просто, доступно, понятно), но и критика современного общества. Во-первых, Нудельмана явно огорчает нынешняя информационная вседоступность, позволяющая человеку свято верить в свою способность мгновенно превращаться в эксперта по чему угодно: «Если вы подключитесь к дренажной трубе по имени Гугл... то из русского отвода трубы на вас первым долгом хлынет мутный поток всевозможного мусора... Я иной раз удивляюсь — кто там на русском Гугле ухитряется так изобретательно собирать именно то, что имеет самое далекое отношение к запрашиваемому?» (с. 74). В результате «что такое стволовые клетки, известно сегодня всем, включая грудных младенцев» (с. 192). С другой стороны, Нудельман выступает и против обожествления научного знания: «научные парадигмы — не совсем то же, что божьи заповеди: они могут меняться» (с. 102).

Во-вторых, ему категорически претят «модные псевдодиетические крайности» — как попытки перехитрить природу. «Она миллиарды лет терпеливо отлаживала баланс своих биохимических реакций, и поэтому не стоит соваться в достигнутое ею тончайшее равновесие, чтобы не оказаться слоном в посудной лавке» (с. 170).

Возвращаясь к суеде вокруг диеты в пятой главе, Нудельман попутно проходит и по политкорректности, «когда людей не принято называть жирными или даже тучными — они “страдающие ожирением”... они действительно страдающие, потому что ожирение — это некрасиво... неудобно... и небезопасно» (с. 201). Вывод автора: популярная диетология — околонучная дисциплина, потому что, несмотря на огромное количество «замечательных диетологических открытий XX века... в 2000-е годы впервые в истории число жирных людей во всем мире сравнялось с числом недоедающих. Какой замечательный итог диетологических усилий!» (с. 209).

В-третьих, Нудельман критически относится к громким лозунгам и, по сути, предлагает сконцентрироваться на рутинной научно-исследовательской работе: «Не говорите мне о Сколково. Сколково — оно еще вон где, а реальная нанотехнология — она уже вот, в статье...» (с. 187). Громкие лозунги раздражают автора как применительно к научной индустрии, так и за ее пределами, скажем, в антипрививочном движении: «...Вот уже на телеэкране страстно выкрикивает некто, что-де он не станет прививать своего ребенка против коклюша и прочих возможных болезней, потому что вакцины эти заражают детей аутизмом. И тщетно сидящий напротив врач мягко возражает распалившемуся родителю, что эти истерические опасения давно уже опровергнуты многочисленными научными исследованиями, — родитель невменяем и требует тут же, немедленно — вынь и положь все „за“ и „против“, чтобы „люди сами могли разобраться и решить“» (с. 211) (автор опять возвращается к проблеме веры обывателя в свою всеэкспертность).

Пятая глава книги суммирует критические аргументы автора в отношении диет и антивакцинистского движения, а в качестве третьего сюжета для размышлений обрисовывает ситуацию с гомеопатией.

Автор тезисно фиксирует исторический путь гомеопатии, обнаруживая здесь немало благородных мотивов, но в итоге с грустью констатирует ненаучность претензий гомеопатии, вновь переводя проблему из медицинской плоскости в социальную: «Почему в гомеопатию верят? Этот интересный вопрос составляет часть другого, более интересного вопроса: почему люди верят вообще... Многие миллионы секулярных людей, а также еще большие миллионы... адептов всевозможных религий сегодня объединяет вера в летающие тарелки, тайны египетских пирамид, коды Библии... и многие другие мифы, общим для которых является их квазинаучная упаковка» (с. 223). Кроме того, «люди во все времена ждут от врачей чудес. Но в наше время они ждут их особенно нетерпеливо. И, не дождавшись, обращаются к тем, кто такие чудеса предлагает, кто их рекламирует... И кое-кому эта вера действительно помогает — когда скрытые восстановительные ресурсы организма оказываются для этого достаточны [*видимо, отсылка к эффекту плацебо*]... Гомеопатия процветает... и даже многие из серьезных врачей уже стали подрабатывать в свободное время на этой моде [!], но, в общем-то, гомеопаты оказались в некоей ловушке. Те из них, кто понимает, что своим благосостоянием они обязаны пустой таблетке, успокаивают себя мыслью, что, всячески скрывая этот печальный факт, они помогают больному верить в излечение... Остальные, к счастью, верят в благотворительную силу своих растворов точно так же, как и их больные, и потому пылают праведным гневом против критиков, а тем более разоблачителей» (с. 225).

Книга Роба Найта «Смотри, что у тебя внутри...» — прекрасно иллюстрированная, написанная понятным и увлекательным языком небольшая работа, состоящая из семи лаконично названных глав. В них «вшиты» несколько важных для любого социолога идей, позволяющих переформулировать извечный, хотя и претерпевший в XX в. некоторые трансформации, вопрос социологии «как возможно общество?» в любой иной, проблематизирующий «статус» составных элементов общества («что именно в человеке зависит от него самого?», «каково соотношение биологического и социального» и т.п.), поскольку история и размышления над проблемами типа «эффекта плацебо» убедили нас, что биологическое, пусть не всегда и не в полной мере, но подконтрольно социальным детерминациям и личностному контролю.

Идея гипербиологической детерминации человека навязывается читателям в юмористическом ключе (например, автор благодарит родителей «за их гены, их идеи и их микробов» — две причины признательности не социально-биографичны), что вряд ли было бы возможно в работе, претендующей на социологический «статус», как и предложение автора самоопределиться в наборе из «человеческого существа, двуногого животного с бесконечными возможностями разума, наследника всего сущего, никогда не прочитавшего до конца ни одного пользовательского соглашения».

Автор убеждает читателя, что любой из нас — это «триллионы мельчайших существ, обитающих в наших глазах, ушах и обширных поместьях, именуемых нашим кишечником» (с. 9). Автор убедительно и прямолинейно говорит о необходимости «смирить наше эго»: «Астрономия уже объяснила нам, что наша планета — вовсе не центр Вселенной, эволюция научила нас, что человек — лишь один из видов животных. Составление человеческого микробиома учит нас, что в доме нашего тела наш собственный голос тонет в хоре независимых (и взаимозависимых) форм жизни с их собственными устремлениями и программами». А чтобы у читателя не оставалось сомнений, что «он — это около ста триллионов микробных клеток» (с. 11), в тексте приведены забавные иллюстрации: например, клетки человека составляют в человеке меньше половины черепной коробки (в совокупном объеме, а не по размещению, конечно), а клетки микробов занимают все остальное наше телесное пространство.

Чтобы доступно описать реалии микромира внутри нас, автор совершает удивительный (по крайней мере, для традиционного социологического дискурса) контрапост: привычная для историко-социологических работ биологическая метафорика («органическая солидарность» Э. Дюркгейма, «органическая метафора» Г. Спенсера и концепты других основателей социологического эволюционизма) сменяется в книге Найта противоположностью — метафорикой социальной, выполняющей аналогичную функцию — объяснить процессы микробиологические (подобно тому как биологическая метафора, объясняя процессы социальные, заслужила важную эпистемологическую позицию в истории теоретической социологии).

Человек, по Найту, — это особая экосистема: «совокупность микробов внутри нас представляет нечто вроде объединения различных сообществ [!]; и разные части организма населяют различные группы видов, имеющих специализированные функции... Разнообразие микроорганизмов помогает объяснить даже такие индивидуальные особенности, которые мы привыкли списывать на случайность или невезение... Например, некоторые из нас действительно вкуснее с точки зрения комаров, и главная причина столь избирательной „аппетитности“ — различия в составе микробных сообществ, обитающих на нашей коже» (с. 12).

Благодаря современным технологиям можно составить «микробную карту тела», провести «полную перепись» [!] живущих в нас микроорганизмов (зафиксировать свой микробиом), выявить реальные причины многих заболеваний, включая ожирение, артрит и депрессии: «микроорганизмы глубоко включены практически во все аспекты нашей жизни и впрямь заставляют нас по-иному взглянуть на вопрос: „Что же это значит — быть человеком?“» (с. 12). Столица микробного сообщества — кишечник, «мегаполис [!] длиной до десяти метров, полный извилистых улиц и укромных уголков. Микробам здесь раздолье: тепло, изобилие пищи и питья, да и канализация под боком. С точки зрения микроба наш кишечник похож одновременно и на Нью-Йорк, и на какую-нибудь восточную нефтяную столицу» (с. 33). Иммунная система — «это охранник в банке, который открывает огонь, лишь когда один из посетителей вдруг перепрыгивает через прилавок и начинает набивать мешок деньгами» (с. 60).

В книге множество «ошеломительных», по мнению автора, сведений о не-обозримом мире, которые вместе с яркими художественными и историческими иллюстрациями фиксируют эволюцию представлений о жизни — от непосредственно наблюдаемого невооруженным глазом или в микроскоп до изменения «древа жизни» благодаря сравнению разных форм на клеточном уровне с использованием рибосомной рибонуклеиновой кислоты (родственницы ДНК), секвенированию ДНК и взрывному увеличению мощности компьютеров. В целом повествование предельно констативно и сфокусировано на микробиологических проблемах, и они часто описываются в юмористическом ключе — для популяризации обсуждаемых вопросов через акцент на их социальных последствиях.

Автор начинает свой рассказ с оценки, сколько микробов обитает внутри нас (в сумме их так много, что 99% генов в нашем теле — это гены микробов), по ходу первой главы подтверждая научными данными обыденные представления о теле: что здоровые люди часто являются «домом» для опасных микробов, но «одомашненные» бактерии защищают нас от «плохих» незнакомых бактерий; что «повозиться в грязи иногда полезно», особенно в детстве и в сельской местности, потому что если иммунная система в детстве «простаивает», не подвергаясь атакам бактерий и вирусов, то потом чересчур остро реагирует на малейшие раздражители — отсюда, в частности, аллергии, но это не значит, что нужно поощрять ребенка «есть тухлое мясо или лизать больничный пол» (с. 69); что курение вредно не только для курильщиков, но и для обитающих внутри нас существ; что многие болезни, которые врачи прежде связывали со стрессами, неправильным питанием и пр. (например, язва желудка), в большинстве случаев вызываются бактериями, которые тихо-мирно живут внутри нас, но «иногда вдруг на нас набрасываются».

Вторая глава книги призвана дать ответ на вопрос, откуда берется наш микробиом: начало его формирования автор иллюстрирует историей рождения своей дочери, подчеркивая, что рождение — практически единственный момент в жизни, когда микробиомы всех людей более или менее одинаковы. По мере взросления сообщества наших одомашненных микроритомцев становятся все более разными, потому что зависят от диеты (определяет баланс бактерий в кишечнике), болезней и способов лечения (прием антибиотиков радикально меняет микробиом). Признавая пока еще неподтвержденность многих своих положений, автор все же констатирует, что наряду [!] с языковыми и культурными различиями народы различаются и микробами, прежде всего вследствие диеты (кто-то ест больше мяса, кто-то — больше зерновых), хотя важны также генетические и экологические факторы.

Третья глава фиксирует поразительные и пока не до конца установленные масштабы нашей зависимости от собственных микробов, в которой автор видит один плюс — «вполне реальную перспективу, что когда мы научимся лучше понимать микробиом и даже влиять на него, он может начать нас исцелять» (с. 57).

Проблема в том, что участие микробов в заболевании не означает, что от них нужно вообще избавиться; далеко не все заболевают, когда в нас попадают возбудители болезней; пока непонятны возможности целенаправленного воздействия на микробиом (связь ожирения с микробами подтверждена, а потенциал совершенствования микробиома посредством диет — пока нет).

Социальные последствия многообразия микромира рассмотрены в главе на примере проблем ожирения и квашиоркора (недоедания): «...микробиом может наказать нас как устойчивой тучностью, так и хроническим истощением» (с. 75). Здесь автор возвращается к уже не раз обозначенной ранее в позитивном ключе проблеме микробного разнообразия: «Человек, который всегда слушает исключительно один и тот же музыкальный жанр или представителей только одной политической партии, оказывается не готов к широкой дискуссии о музыке или политике. Так и наш организм терпит поражение, если он не сталкивался с многообразием микробов» (с. 75).

Четвертая глава может шокировать читателя-социолога уже самой постановкой вопроса, хотя автор пытается смягчить удар: «Наши разум, настроение, поведение — то, что и определяет нашу личность, — уж эти-то явления наверняка имеют исключительно человеческую природу? Может быть, и нет... появляется все больше свидетельств, что микробы играют роль и в нашем характере, и в настроении... Из своего командного пункта [!] внутри нашего тела микробы не только регулируют наше пищеварение, усвоение лекарств и выработку гормонов — взаимодействуя с нашей иммунной системой, они могут влиять и на наш мозг» (с. 77). Данное утверждение автор иллюстрирует исследованиями о причастности бактерий к психическим и нервным расстройствам, показывает, что микробы контролируют наш аппетит, тревожность, панические атаки, депрессивные состояния и синдром хронической усталости. Причастность эта зафиксирована, но механизмы ее пока не вполне понятны, и наиболее интересен для науки прикладной вопрос — можем ли мы так изменить своих микробов, чтобы с их помощью изменить себя (невозможный вопрос для приверженца социологизма).

В пятой главе автор еще больше радикализирует этот вопрос: «Можем ли мы создать с помощью микробиома улучшенную версию себя?» — и отвечает: «Мы просто обязаны это сделать. Ведь мы постоянно изменяем свой микробиом, если меняем соотношение растительной и животной пищи в своем рационе... пользуемся антибактериальным мылом... Но что, если делать это целенаправленно?» (с. 93). В качестве первых попыток подобного воздействия автор рассматривает пребиотики — «удобрения» для микробов (отталкиваясь от метафоры микробиома как газона с травками); пробиотики — живые организмы для спасения нашего «газона», если его залило, он зарос сорняками или с ним случилось еще что-то ужасное. Впрочем, пока большинство клинических исследований пребиотиков и пробиотиков находятся на стадии доказательства их безопасности и действенности: «шумихи и рекламы вокруг пробиотиков гораздо больше, чем надежных исследований» (с. 97), что социологически объяснимо — всем хочется быть красивыми и здоровыми, и на этом желании можно быстро заработать. На шумиху работает и то, что пробиотики не являются в строгом смысле лекарством, поэтому люди считают, что им подходит любой пробиотик, и легко верят рекламе. Возможны и более радикальные меры воздействия на наш «газон», призванные избавить его от болезней, например, вакцинации: автор категорически не приемлет аргументацию противников вакцинации, которую объясняет неадекватными страхами общества).

Отдельная глава книги Найта посвящена антибиотикам, повальное увлечение которыми автор оценивает крайне негативно, считая, что как раз из-за антибиотиков людям следует беспокоиться куда больше, чем из-за прививок: «Люди с ума сходят из-за вакцинации, хотя почти все ужасы, которые о ней рассказывают, не имеют под собой научного основания или уже опровергнуты ...а риски хорошо изучены и относительно редки» (с. 107). Тогда как «антибиотики по действию можно сравнить с напалмом. Они действуют сразу на множество организмов внутри нас, уничтожая наше микробное наследие, и последствия этого для нашего личного и общественного здоровья мы еще только начинаем осознавать» (нецелевое уничтожение «хороших» бактерий вместе с «плохими»; бактерии учатся обманывать лекарства благодаря «беспорядочной половой жизни» [!]; антибиотики меняют развитие микрофлоры ребенка, что может повлечь ожирение). «Антибиотики — это яды, просто они более токсичны для бактерий, чем для человека» (с. 108).

Завершает книгу предложение автора любому желающему присоединиться к одному из краудфандинговых проектов «гражданской науки» — «Нутро Америки» (в приложении проект подробно описан), поучаствовав тем самым в картировании микробиома и используя свой «шанс узнать, из какого именно дерьма [в прямом смысле, но с микробиологической точки зрения] все мы состоим». Перспектива заманчивая, но высока вероятность, что об этой возможности узнает не каждый читатель, потому что в силу брезгливости и экзистенциального ужаса (не очень приятно осознавать, что внутри тела идет неподконтрольная жизнь) не сможет дочитать ее до конца.

Вероятно, социологически подготовленного читателя подобные книги могут ужаснуть возможными последствиями для трактовки социального. Согласитесь: мышление, испорченное социологическим образованием, все же склонно гипертрофированно воспринимать социальное в человеке и мыслить его как результат социализации и интериоризации норм, ценностей и стереотипов, как «жертву» идеологом, доказывающим, сколь много в нашей телесной жизни зависит от убеждений и мотивов. Подобные же книги ставят под сомнение привычные интерпретации личности, поскольку ее интеллектуальные и эмоциональные возможности оказываются детерминированы и внутренними «колонизаторами» ее тела, практически таковое и составляющими.

Одно дело — признать и принять тот факт, что бутерброд в нашем кишечнике переваривают бактерии, что естественный наш запах определяется микробами, живущими на коже, что у каждого из нас есть, помимо обычных, еще и микробные отпечатки пальцев, и в скором времени их можно будет использовать для идентификации человека. Совсем другое дело узнать, что твои мысли и чувства — лишь результат микрожизни внутри тебя. Кстати, антифеминисты получают подтверждение биологической детерминации несхожести мужчин и женщин: например, «микробные сообщества на руках у женщин, как правило, более разнообразны, чем у мужчин» (с. 24); и, по юмористическому признанию Найта, микробиом мужских гениталий изучен слабо по сравнению с микробиомом женских гени-

талей, хотя последний и плохо предсказуем, потому что может меняться при смене полового партнера и в зависимости от происхождения и локальных условий жизни.

Рассмотренные научно-популярные работы исключительно интересны и важны для социальных исследователей, кому важно понимать истоки и последствия декларируемых сегодня изменений в акцентах дилеммы «биологическое—социальное». Однако новейшая история человечества столь серьезно дистанцировала нас от биологических основ нашего существования (яркий пример — ритуальные практики погребения, которые отстранили близких умершего от физиологического «восприятия» его смерти и заботы о его теле), что читатели, испытывающие страх или брезгливость, думая об активной жизни внутри себя микроскопических тварей, для которых наш организм служит домом, вряд ли смогут продрасться сквозь подобные тексты.

С другой стороны, позитивность гиперфизиологического, «препараторского» отношения к телу преподносится современной массовой культурой как важный элемент социальной жизни, например, в массе телесериалов, посвященных жизни больниц с акцентом на отношениях врачей и пациентов, или в сериалах типа «Кости», где знание биохимических процессов и костной «природы» человека помогает расследовать преступления и понимать принципы организации социальной жизни и т.д.

Подобные книги информативны и интересны, другой вопрос — насколько в принципе легко свыкнуться с мыслью, что в тебе идет почти бесконтрольная жизнь миллиардов крошечных существ (до сих пор большинство микробов нашего организма не удалось вырастить в лаборатории, чтобы исследовать), хоть как-то понять которую человеку без соответствующего образования помогают социальные аналогии и метафоры.

И.В. Троцук

SOCIAL METAPHORS AND THE HUMAN “CONSTRUCTION” IN THE SCIENTIFIC PUBLICISM ON THE BODY

Nudelman R. Neizvestnoe nashe telo. O poleznyh parazitah, origami iz DNK i suete vokrug gomeopatii... [Our Unknown Body. On Beneficial Parasites, DNA Origami, and the Bustle around Homeopathy...]. M.: Lomonosov, 2014. 240 s.

Knight R. Smotri, chto u tebja vnutri. Kak mikroby, zhivushhie v nashem tele, opredel'ajut nashe zdorove i nashu lichnost [Follow Your Gut: The Enormous Impact of Tiny Microbes] / Per. s angl. E. Valkina. M.: Izd-vo AST: CORPUS, 2015. 160 s.